

Образ США в произведениях Фукудзава Юкити

А. Б. Шарова

Аннотация

В эпоху Эдо японцам доводилось видеть изображения «других» народов в голландских книгах и картах, что невольно рождало мысль не только о множественности и разнообразии людей в мире, об уровне их цивилизации и просвещения, но главное – о том месте, которое японцы сами занимали в этой системе. На ширмах и картах японцы видели порой и изображения коренных американцев.

Не желая становиться колонией по примеру ряда азиатских стран, с конца эпохи Токугава (1603–1868) Япония стала организовывать заграничные миссии и отправлять на обучение в другие страны подающих надежды молодых японцев. Главной целью виделось перенимание опыта и достижений «просвещенного Запада» и превращение Японии в передовую страну, которая способна была бы занять свое место среди ведущих держав того времени.

Первая официальная миссия в Америку была отправлена японцами в 1860 г. В состав этой миссии вошел в будущем величайший японский просветитель эпохи Мэйдзи (1868–1912) Фукудзава Юкити (1835–1901). Позднее он побывал в Америке еще раз в 1867 г. Свои воспоминаия об этих поездках он описал в автобиографии, которую надиктовал на склоне лет. Поездки послужили большим подспорьем для написания им глав, посвященных США, в географических сочинениях «Описание стран мира» (*Сэкай кунидзукуси*, 1869 г.) и «Положении дел на Западе» (*Сэйё: дзидзё*, 1866–1869 гг.). В описании Фукудзава США предстает прогрессивной и динамично развивающейся страной, на которую Японии стоило бы равняться.

Ключевые слова: Фукудзава Юкити, США, автобиография, «Описание стран мира», «Положение дел на Западе», эпоха Мэйдзи.

Автор:

Шарова Анна Борисовна, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, 103031, Москва, ул. Рождественка, д. 12.

E-mail: anchyk90@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1072-9041

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Image of the USA in the Works by Fukuzawa Yukichi

A. B. Sharova

Abstract

During the Edo period, the Japanese saw images of “other” peoples in Dutch books and maps. The opportunity to see images of “Others” involuntarily gave rise to the idea not only of the plurality and diversity of people in the world, of the level of their civilization and enlightenment, but, most importantly, of the place that the Japanese themselves occupied in this system. The Japanese also saw images of Native Americans on screens and maps.

Not wanting to become a colony like other Asian countries, from the end of the Tokugawa era (1603–1868), Japan began organizing overseas missions and sending promising young Japanese to study in other countries. The main goal was to adopt the experience and achievements of the “enlightened West” and transform Japan into an advanced country that would be able to take its place among the leading powers of the time.

The first official mission to America was sent by the Japanese in 1860. This mission included the future greatest Japanese educator of the Meiji era (1868–1912), Fukuzawa Yukichi (1835–1901). Later, he visited America again, in 1867. He described his memories of these trips in his autobiography, which he dictated in his declining years. These trips served as great assistance for him to write chapters on the United States in the geographical works *Description of the Countries of the World* (*Sekai kuni zukushi*, 1869) and *The State of Affairs in the West* (*Seiyō jijō*, 1866–1869). In Fukuzawa’s description, the United States appears as a progressive and dynamically developing country that Japan should emulate.

Keywords: Fukuzawa Yukichi, USA, autobiography, *Description of the Countries of the World*, *State of Affairs in the West*, Meiji era.

Author: Sharova Anna Borisovna, Junior Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Russia, 103031, Moscow, Rozhdestvenka St., 12.

E-mail: anchyk90@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1072-9041

Conflict of interests

The author declares the absence of the conflict of interest.

Первое наиболее ошутимое знакомство японцев с американцами произошло в связи с прибытием эскадры commodora Перри (1794–1858) в 1853 г. Однако еще раньше самые общие представления об этом народе японцы получили из голландских книг и карт. Голландские купцы привозили карты, на которых изображались «люди других национальностей», и в том числе североамериканские индейцы. Эти изображения в XVII в. копировались японскими художниками и помещались, в частности, на ширмы, которые создавались для богатых воинских домов [Fabricand-Person 2011, p. 83–84].

Одна из таких дошедших до наших дней ширм хранится в коллекции японского императорского дома. На ширме помещена карта мира, а по обеим ее сторонам даны изображения двадцать одной пары людей разных рас и национальностей. В данном случае имеет место противопоставление цивилизованного и нецивилизованного мира: с одной стороны представлены пары с белым цветом кожи в богатых одеждах, а с другой пары с темным цветом кожи, в основном – одетые лишь частично, многие с почти первобытными орудиями в руках. Можно предположить, что тема «цивилизованного и просвещенного общества» в западном понимании этих слов, которая получила свое развитие в конце эпохи Токугава и в период Мэйдзи, зарождалась задолго до этого.

Непосредственно столкнувшись с западной цивилизацией в лице США и европейских стран, японцы стали чувствовать различия между собой и «Другими» еще острее. Ощущение явной отдален-

ности от «просвещенного Запада» и нежелание быть причисленными к отсталой Азии рождали в японцах стремление найти свое место в ряду «передовых и цивилизованных» стран.

Описание США в автобиографии Фукудзава Юкити

Одним из способов перенять достижения Запада стала отправка японских миссий в США и Европу в середине XIX в. В состав первой официальной миссии в Америку (1860 г.) вошел совсем еще юный Фукудзава Юкити 福澤諭吉 (1835–1901). На склоне лет он красочно опишет, а точнее, надиктует своим ученикам, воспоминания об этой поездке, которые станут несколькими главами его автобиографии.

На протяжении долгого времени жанр автобиографии в Японии не существовал. Это можно объяснить тем, что в традиционной системе ценностей японского общества индивид осознанно приносил себя в жертву коллективу, ставя интересы и желания группы или более могущественного человека выше своих. В этой связи в Японии процветал жанр биографии, рассказа сторонних наблюдателей о человеке, но никак не автобиографии – повествования человека о самом себе [Мещеряков 2014].

Однако в конце эпохи Токугава – начале периода Мэйдзи под влиянием Запада с его теориями прогресса и естественного отбора, идеей гуманизации, ставящей человека в центр мироздания, началось переосмысление концепта личности. По мнению ряда японских интеллектуалов того времени, Японии требовалось модернизироваться по западному образцу. В свою очередь, модернизация требовала активности, энтузиазма со стороны людей, ее творящих, ставила на первое место индивидуализм, а не коллективизм. Другими словами, фокус теперь делался не на обществе в целом, а на конкретном человеке, на его внимании к самому себе [Мещеряков 2014]. Недаром одной из «Трех главных книг эпохи Мэйдзи» (明治の三書, *Мэйдзи но сансё*) наряду с энциклопедией Утида Масао 内田正雄 (1839–1876) «Краткое описание мира» (興地誌略, *Ёти сираку*, 1870-е гг.) и трактатом Фукудзава Юкити «Призыв к учению» (学問のすゝめ, *Гакумон но сусумэ*, 1872 г.) принято было считать сочинение Накамура Масанао 中村正直 (1832–1891)

«Европейское руководство, как самому достичь успеха» (西国立志編, *Сайкоку риссихэн*, 1871) [Masuno 2006, p. 50].

Именно в период Мэйдзи в Японии начинает развиваться и жанр автобиографии. Одной из первых японских автобиографий принято считать сочинение Фукудзава Юкити, которое до сих пор, несмотря на обилие оставленного им литературного наследия, является самым популярным произведением автора [Мещеряков 2014]. Между путешествием Фукудзава в США и выходом в свет его автобиографии прошло почти сорок лет. За это время что-то самим автором было, возможно, переосмыслено, но безусловно чувствуется, что он очень тщательно отбирал факты, которые хотел сообщить читателям. Он стремится показать себя человеком совершенно нового типа: деловым, активным, хватким, смекалистым, а иногда даже хитрым. И если хитрость, по его мнению, была самым верным способом достичь успеха, то он не пренебрегал ей, о чем он не без гордости говорит на страницах автобиографии.

В описании поездки в США чувствуется, что Фукудзава испытывал сильное воодушевление, предвкушая встречу с этой страной, желая своими глазами увидеть державу, под влиянием которой Японии пришлось выйти из самоизоляции. Он называет это путешествие в Америку «эпохальным приключением для всей нации», настоящим поводом для гордости. Во-первых, это была первая для японцев официальная заграничная миссия спустя двести с лишним лет закрытости страны в эпоху Токугава. Кроме того, это было первое тихоокеанское плавание, осуществленное полностью японской командой: «...мы увидели первый пароход только лишь в шестом году Канъэй (1853 г.); лишь на втором году Ансэй (1855 г.) мы начали изучать навигацию под руководством голландцев в Нагасаки; а к 1860 г. технология была в достаточной мере нами понята, что позволило нам совершить плавание через Тихий океан» [Fukuzawa 1934, p. 118].

Фукудзава отмечает, что всей команде оказали очень радушный прием: «...как будто учитель принимает своих старых учеников спустя несколько лет после их выпуска; коммодор Перри повлиял на открытие нашей страны, а спустя восемь лет мы посетили Америку» [Ibid., p. 120]. Описывая гостеприимство «учителя», Фукудзава вспоминает, что для гостей каждый день привозили свежую рыбу, а также организовывали ванну [Ibid., p. 120–121]. Несмотря на это Фукудзава признается, что ощущал себя словно молодая жена, только

что переехавшая в дом мужа: все рады ее появлению, все с ней приветливы, а она должна сидеть и выглядеть милой, но «ее старания приводят к тому, что она совершает одну ошибку за другой и каждый раз краснеет» [Ibid., p. 122]. Фукудзава отмечает, что сперва был «беззаботным студентом, который мог взглянуть в лицо миру», «независимой душой, которая не боялась ничего», однако, приехав в Америку, он «неожиданно превратился в стеснительную, застенчивую, краснеющую “новобрачную”» [Ibid.].

За время пребывания в США делегацию сводили на сахарный завод и в обсерваторию, показали, как работает телеграф, познакомили с процессом электрогальванизации. Во второй приезд в Америку (1867 г.) им показали сталелитейный завод. Однако Фукудзава признается, что в области технических достижений не увидел ничего нового для себя. По-видимому, не все члены миссии могли похвастаться подобным заявлением. Так, многих удивил поезд и его скорость, и при этом удивительное чувство комфорта в салоне и возможность писать. Как замечает А. Н. Мещеряков, «это для японца – главный признак спокойствия и комфорта» [Мещеряков 2006, с. 92]. Членов миссии поражали разные аспекты повседневной жизни американцев. Поначалу их удивляли даже кареты и цоканье лошадиных подков – в Японии было принято обвязать копыта лошадей соломой [Там же, с. 90]. Интерьеры, в том числе обилие ковров, по которым даже прислуга ходила в обуви, также приводили японцев в недоумение. Поражало и множество огромных зеркал – японцы привыкли к зеркалам гораздо меньшего размера.

Однако самое большое впечатление на членов миссии произвели нравы и обычаи американцев. Например, они очень неоднозначно отнеслись к балу. Фукудзава в автобиографии признается, что еле сдержал смех при виде танцующих пар. Ему казалось, что «леди и джентльмены прыгали вместе по комнате» [Fukuzawa 1934, p. 122–123]. Другой член миссии сравнивал танцующих с «бабочками, которые обезумели при виде цветов» [Мещеряков 2006, с. 88]. В свою очередь, заместитель посла Мурагаки Норимаса 村垣範正 (1813–1880) высказался на этот счет куда более резко: «Мужчины и женщины двигались парами по комнате кругом, ступая на цыпочках и сообразуясь с музыкой. Они были похожи на мышек, которые не в состоянии остановиться. В этом не было ни вкуса, ни очарования. Было смешно видеть, как огромные юбки женщин надувались при поворотах, как

если бы это были воздушные шары... Не подлежит сомнению, что эта нация не знает, что такое порядок и ритуал...» [Там же].

Удивило японцев и то, как построены в обществе отношения между мужчинами и женщинами. Женщины вели себя намного более раскованно, чем в Японии: дамам целовали руки и уступали место, они появлялись на приемах, танцевали и свободно беседовали с гостями [Там же, с. 90]. В один из дней члены миссии были приглашены в гости. Фукудзава тогда очень удивился, что гостей развлекала разговорами хозяйка дома. Хозяин же, напротив, перемещался между комнатами и раздавал указания – все это японцам казалось очень необычным [Fukuzawa 1934, p. 123]. Сам Фукудзава не высказывает какой-то радикальной оценки, просто подчеркивает различия японского и американского обществ. И что еще важнее – он признает недостаточность знаний друг о друге. Однако, вероятно, многие из членов миссии считали, что подобные нравы могут быть распространены «только в стране варваров, где социальные роли распределены совершенно неподобающим образом» [Мещеряков 2006, с. 90].

Что же, по признанию Фукудзавы, больше всего поразило в Америке его самого? Во-первых, его удивило отсутствие рачительности американцев. Он вспоминал, что повсюду ему попадалось огромное количество выброшенного железа – свалки, в том числе на побережье, какие-то банки, поломанные детали – в то время как в Эдо после пожаров люди искали среди обугленной древесины гвозди, таким ценным металл был для японцев [Fukuzawa 1934, p. 124]. Во-вторых, Фукудзава удивило отношение американцев к великим историческим фигурам. Фукудзава был воспитан в японской традиции почитания старших, учителя, правителей. Он предполагал, что и в США принято относиться с большим пиететом к отцам-основателям американской государственности. Фукудзава попытался найти потомков Джорджа Вашингтона (1732–1799), чтобы лично выразить им свое почтение. Каково же было его изумление, когда один американец буднично ответил ему, что прямым потомком Вашингтона, кажется, является женщина, что ее место жительства ему неизвестно, кажется, она вышла замуж [Ibid., p. 125].

Японскую делегацию также удивил прием у президента страны. Японцы явились на встречу в парадных шелковых одеждах – а президент США встретил их в повседневном костюме, точно таком же, как и у его подчиненных. Поразил японцев и сам Белый дом, украшенный

бюстами предыдущих президентов, которые, несомненно, ассоциировались у японцев с «выставляемыми на всеобщее обозрение головами казенных преступников» [Мещеряков 2006, с. 91].

Однако в целом, несмотря на различия в менталитете между японцами и американцами, Фукудзава был явно довольно высокого мнения о последних. Во время второй своей поездки в США он так описывает процесс переговоров с американским министром: «Слово из уст министра – представителя цивилизованной нации – должно быть так же надежно, как и официальное соглашение. Бумаги были просто меморандумом, которому мы не должны предавать особого значения» [Fukuzawa 1934, p. 178].

Тем не менее, по мнению Фукудзава, обычные американцы не лишены простоты и даже некоторой наивности. Он описывает случай, приключившийся в его первую поездку в США. Американский капитан Мак Дугал, коллекционировавший монеты, попросил капитана Кимура показать ему японские деньги. В ответ тот отправил золотые и серебряные монеты, однако никакой дальнейшей реакции от американцев не последовало. На следующий день супруга американского капитана в знак благодарности за подарок любезно преподнесла Кимура букет цветов, однако деньги назад не вернула. Как иронично заключает Фукудзава: «Я бы хотел, чтобы все были как эта американская леди, которая благодарит за подарок из золота и серебра просто букетом цветов» [Ibid, p. 126].

Сам Фукудзава очень щепетильно относился к деньгам. Несмотря на то что он был сыном самурая, а значит, должен был чураться денег и всевозможных расчетов, он еще в детстве заявил старшему брату, что мечтал бы стать самым богатым человеком Японии [Мещеряков 2014]. Описывая путешествие в США, он рассказывает о члене делегации, самурае, проявившем невежество в финансовых вопросах при обмене командировочных денег на доллары [Там же]. Более того, считается, что именно Фукудзава ввел в японский оборот выражение Бенджамина Франклина (1706–1790) «Время – деньги» [Там же].

После второй поездки в Штаты Фукудзава больше никогда не выезжал за пределы Японии. Другими словами, его представление о США на всю оставшуюся жизнь сформировалось на основе книг и увиденного им самим в этих поездках.

Отражение расовой теории в сочинениях Фукудзава Юкити

Фукудзава был сторонником идеи стадийного развития стран мира. Он считал, что все страны можно разделить на четыре категории: развитые, частично развитые, частично дикие и дикие. США, Англию, Францию, Германию, Голландию и другие западные страны Фукудзава определял как «развитые». Китай и, вероятно, Японию он помещает в группу «частично развитых» стран, считая, что их цель – достичь уровня цивилизации, сравнимого со странами Запада. В автобиографии он говорит, что за годы преобразований Японии практически удалось достичь этой цели, а в некоторых случаях – даже обогнать страны, которые ранее были ее партнерами [Baibikov 2020, p. 6]. Можно предположить, что в данном случае Фукудзава намекает на Китай. К «диким» Фукудзава относит, например, страны Африки.

Вообще понятие «раса» появилось в Европе в XVII в. у авторов, старавшихся систематизировать знания о человеческом теле. Одним из первых ученых, предложивших деление людей на четыре типа, был французский врач и путешественник Франсуа Бернье (1625–1688). Карл Линней (1707–1778) и Жорж Луи Леклерс де Бюффон (1707–1778) также классифицировали людей по четырем категориям. Особое влияние на развитие расовой теории и антропологии оказала «теория пяти рас» Иоганна Фридриха Блюменбаха (1752–1840). Он предполагал наличие европеоидной (белой), монголоидной (желтой), малайской (коричневой), эфиопской (черной) и американской (красной) рас [Sun 2012, p. 109–110]. Теория Блюменбаха впоследствии вышла далеко за пределы Европы и нашла отражение в трудах китайских и японских мыслителей. Ватанабэ Кадзан 渡辺華山 (1793–1841) стал одним из первых японцев, кто уделил внимание расовой теории (в «Записях о положении дел на Западе» 西洋事情書, *Сэйё: дзидзё: сё*, 1838 г.). Он указывал на существование тартарской, эфиопской, монголоидной и европеоидной рас. Блюменбаха Ватанабэ упоминает; он мог быть знаком с теорией пяти рас немецкого антрополога, однако уже в переложении голландских и китайских авторов. В 1869 г. на японском языке была опубликована работа В. Р. Чамберса *Introduction to the Sciences* в переводе Обата Такудзиро: 小幡篤次郎 (1842–1905). В сочинении перечисляются четыре

расы, указываются места их расселения, цвет кожи, а также даются краткие характеристики. Люди «европеоидной расы», сказано здесь, «особенно умные и выглядят изящно»; люди «монголоидной расы» – «немного уступают первым («европеоидной расе». – А. III.) по уму и внешности» [Ibid., p. 122–123].

На пять рас делит человечество и создатель многотомного труда по мировой географии Утида Масао, разрешенного в качестве учебника по географии Министерством образования Японии. В «Кратком описании мира» Утида распределяет людей по цвету кожи (желтая, белая, черная, коричневая и красная расы), по физиологическим признакам и местам расселения. Однако Утида не проводит различия между цивилизованными людьми и дикарями, а скорее, просто констатирует факт наличия разных рас [Ibid., p. 127]. Идея «пяти рас» встречается и у Фукудзава Юкити в «Положении дел на Западе» (西洋事情, Сэйё: дзидзё:, 1866–1869). Однако им она воспринимается скорее с конфуцианской позиции, согласно которой весь мир – одна семья, а люди всех пяти рас – братья [Ibid., p. 124]. Идея пяти рас встречается у Фукудзава и в «Описании стран мира» (世界國盡, Сэкай куни дзукуси, 1869). По мнению автора, от того, к какой расе принадлежит человек, зависят как его внешность, так и уровень интеллекта. Однако в самом тексте автор упоминает только четыре расы: дикие люди, частично дикие, частично цивилизованные, цивилизованные.

«Дикие», по мнению Фукудзава, не отличаются от животных и птиц. К этой категории мыслитель относит, например, африканцев. По его мнению, они не очень умны, не умеют читать и писать, не имеют представления о законах и этикете.

К частично диким Фукудзава относит, в частности, жителей Тартарии на севере Китая и народы Северной Африки. По мнению Фукудзава, представители этой расы сильно продвинулись от уровня примитивности и невежества. И хотя они в основном ведут кочевой образ жизни, но иногда выращивают пять злаков, то есть достигли достаточно высокого уровня развития сельского хозяйства, что является показателем прогресса. Тем не менее очень немногие представители этих народов грамотны, хотя у них и есть письменные языки. Грамотность же всегда являлась для японцев показателем высокой культуры.

К частично цивилизованным странам Фукудзава относит, например, Турцию и Персию. Хотя еда в этих странах имеется в достатке,

а искусства процветают, но люди, по заверению автора, недостаточно хороши с моральной точки зрения. Они завидуют другим народам и презирают их, ни во что не ставят женщин и оскорбляют слабых.

К частично цивилизованным странам Фукудзава относил и Китай. Когда в 1894 г. Япония напала на Китай, Фукудзава рассматривал это как «войну между цивилизацией и варварством» и открыто поддерживал свою страну в этой войне. Он полагал, что к тому моменту Япония достигла уровня цивилизованных стран Запада, в то время как Китай продолжал являться отсталым государством [Мещеряков 2014].

Наконец, к цивилизованным странам, по мнению Фукудзава, можно отнести Великобританию, Францию, Голландию, Бельгию и другие западные страны. В этих странах люди следуют правилам этикета, мягкие по характеру и в целом честные, много работают, с любовью относятся к своему труду, и работа у них спорится. Их знания и технический прогресс все время растут. «Они благословлены небесами» – заключает Фукудзава [Sun 2012 p. 125–126].

Характерно, что Япония в этой классификации не отнесена ни к одной группе. В предисловии к «Описанию стран мира» Фукудзава пишет, что «просто переводил» книгу А. Митчелла (*A System of Modern Geography*), ничего не добавляя от себя. Однако в данном случае это не так, потому что у Митчелла к «частично цивилизованным странам» отнесены и Китай, и Япония [Ibid., p. 126].

Тема расового деления людей по их физиологическим признакам и уровню их прогресса находила отражение в японских географических сочинениях и учебниках до 1890-х гг., после чего она практически полностью исчезла [Ibid., p. 131–132]. Вероятно, это было связано с быстрыми темпами модернизации Японии, победой в Японо-китайской войне, вхождением в группу передовых держав, и как следствие – ощущением себя цивилизованной страной.

Несмотря на то что Фукудзава придерживался расовой теории, в конечном итоге он считал, что расовый фактор не является определяющим. Он полагал, что любая страна вне зависимости от того, на каком уровне развития она находится в настоящий момент, при должном старании может пройти все стадии и достичь высокого уровня развития, встав в один ряд с передовыми державами [Baibikov 2020, p. 4]. По мнению Фукудзава, цивилизованная Европа, ставшая символом технологического и научного прогресса, тоже

прошла все стадии «от хаоса до просвещения» [Ibid., p. 6]. Такой же путь, по его мнению, прошли и США, которые просветитель также причисляет к «развитым» странам.

США в «Описании стран мира» и «Положении дел на Западе»

В «Описании стран мира» рассказ о США, Мексике и Канаде помещен в четвертом томе. Повествование об Америке предваряют портрет Колумба и рассказ о нем: «В конце XV в. был в Италии человек по имени Колумб. Ребенок из бедной семьи, в одежде из овечьей шерсти, он всем сердцем хотел изучать мореплавание...» [Fukuzawa 1869, 4, p. 1–2]. Далее следует описание открытия Колумбом Америки и иллюстрация «Отплытие Колумба из Испании». Фукудзава сообщает, что те места «приносили большие прибыли», поэтому впоследствии туда «перевезли людей для освоения новых земель» [Ibid., p. 3]. Повлияло открытие Америки и на осмысление мировой географии в целом: «На основе масштабов земли ученые разделили ее на две большие части, северную и южную, и назвали Азию, Африку и Европу Старым светом, а Америку – Новым светом» [Ibid.].

На страницах «Описания стран мира» Фукудзава знакомит японцев с коренными жителями Америки: эскимосами и индейцами. Про эскимосов сообщается: «Рост их не достигает 5 сяку¹. Письменности у них нет. Люди крайне глупые» [Ibid., p. 4]. Очевидно, что отсутствие письменности воспринимается Фукудзава как важнейший маркер нецивилизованности, и как следствие – глупости. Завершают пассаж упоминание о жилищах изо льда, которые строят эскимосы, и соответствующая иллюстрация.

Далее Фукудзава переходит к описанию индейцев. Он сообщает, что индейцы населяли эти земли еще до прибытия Колумба, а потому «коренным населением Америки являются именно они»: «Они живут в этом краю, и от начала мира являются американцами (亜米利加人, *амэрикадзин*) [Ibid., p. 5]. Однако, по словам Фукудзава, уровень их цивилизованности был крайне низок: «По натуре [они] были грубые, грамоты не знали ... домов [у них] не было, ходили по горам и холмам и из луков и стрел убивали диких животных, ели мясо, одевались

¹ 1 сяку = 30.3 см.

в шкуры» [Ibid., p. 6]. Низкий уровень цивилизованности привел к тому, что европейцы, заселявшие Америку, «стали эти народности преследовать, не разрешали им появляться в городах, и со временем количество этих людей сократилось» [Ibid.].

В качестве иллюстрации к этому пассажи предлагается изображение, на котором группа «коренных американцев» копьями и дубинками забивает лежащего на земле европейца. Несомненно, иллюстрация была призвана продемонстрировать читателям жесткость и кровожадность индейцев и оправданность действий европейцев, «преследовавших эти народности». Оригинал для иллюстрации, использованной Фукудзава, стала картина «Убийство Джейн МакКри» американского художника Джона Вандерлина (1775–1852). На полотне изображены двое индейцев, нанятые британской армией во время Революционной войны, которые собираются снять скальп с молодой американки. Основой для создания картины послужила история, произошедшая в 1777 г. [Fabricand-Person 2011, p. 88]. Полотно было представлено на Парижском художественном салоне в 1804 г., однако особого расположения публики и критиков не снискало [Ibid, p. 87]. Тем не менее картина закрепились в массовом сознании, стала общепринятой в том, что касается изображения индейцев, и послужила основой для целого ряда иллюстраций в американских учебниках и географических справочниках вплоть до начала XX в.

Картина Вандерлина нашла отражение даже в гравюрах на тему театра Кабуки. Так, в 1879 г. художник Адати Гинко: 安達吟光 (1853–1908) создал гравюру по мотивам современной на тот момент пьесы Кабуки «Странная история о потерпевших кораблекрушение: западный Кабуки». Пьеса была написана Каватакэ Мокуами 河竹黙阿弥 (1816–1893) и поставлена Морита Канъя XII 守田勘弥 (1846–1897) [Ibid, pp. 88–89]. На гравюре изображена молодая японская пара в западных одеждах. Их поезд потерпел крушение посреди полной опасности равнины, и теперь они стали жертвами жестоких, босоногих, одетых в одни юбки американских дикарей. В руках у дикарей дубинки, а сами они – красного цвета, что, по-видимому, должно было четко ассоциироваться у японского обывателя с демонической сущностью этих персонажей.

Фукудзава при работе над «Описанием стран мира» активно пользовался американскими и английскими учебными пособиями, о чем он сообщает в предисловии к своему географическому сочинению.

Фукудзава признает, что его рукопись отличается от переводных изданий, которые существуют в мире. Однако сообщает, что на самом деле им были взяты географические и исторические справочники, изданные в Англии и Америке, и из них он перевел наиболее важные куски; он заключает, что его собственных идей там ничуть нет [Fukuzawa 1869, 1, p. 5]. Однако представляется, что это не совсем так. Как минимум имел место строгий отбор письменного и иллюстративного материала. Поэтому видится уместным назвать проделанную им работу словами Утияма Акико – «перевод как репрезентация» [Uchiyama 2009, p. 63–83]. Автор стремился представить каждую страну в определенном свете, сформировать у читателей четкий образ того или иного государства, выделить характерные черты разных народов.

Подобный подход можно будет наблюдать и в настольных играх *сугороку*, издаваемых в тот период и посвященных путешествиям по странам мира. В игре каждая клетка-поле соответствовала одной стране, на ней изображалась типичная для этой страны достопримечательность, давалась краткая информация, характеризующая эту страну. Другими словами, происходила не только «каталогизация» и упорядочивание мирового пространства, но и формирование общественного сознания.

Фукудзава рассказывает читателям о добыче золота в Калифорнии, сообщает, что на территории США много мест, где добывают золото, серебро, медь и железо. Он пишет, что в отличие от японских рудников, в США «везде используется паровое оборудование, благодаря чему достигается большая искусность». Кроме того, читателю предлагается взглянуть на иллюстрацию «Устройство шахты на золотом руднике» [Fukuzawa 1869, 4, p. 18]. В глазах Фукудзава США представляются технологически развитой страной. Он резюмирует, что по уровню образования, объему производства и торговли США не уступают Англии и Франции [Ibid., p. 17].

В сочинении «Положение дел на Западе» описанию США отводится почетное место в первом томе, вместе с описанием Голландии. Соотношение явно неравномерно: на описание США отводится сорок три страницы, а Голландии всего девять. Рассказ о США строится по стандартному для этого произведения принципу. Фукудзава начинает с истории, достаточно подробно останавливаясь на личности Колумба, затем переходит к политическому устройству страны, говорит об образовании, вооруженных силах и военно-морском флоте

и завершает рассказом о товарно-денежной политике США. Фукудзава упоминает несколько городов: Вашингтон, Филадельфию, Балтимор. Сообщается, что южные штаты преуспевают в сельском хозяйстве, в частности, в выращивании хлопка и табака, а северо-восточные штаты – в торговле.

В разделе, посвященном политическому устройству, Фукудзава уделяет особое внимание американской конституции и приводит ее полный перевод. Упоминается и отец-основатель США Джордж Вашингтон. Особый раздел Фукудзава отводит образовательной системе США. Он сообщает, что в Америке больше всего начальных школ и заверяет читателей, что в этом заключается «первостепенный предмет гордости американской политики» [Fukuzawa 1866, 2, p. 37].

В частных школах изучают основы английского, арифметику, географию и другие предметы, а в столичных школах преподаются также французский и греческий языки [Ibid., p. 38]. Число старших школ – вероятно, Фукудзава имеет в виду университеты, – в настоящее время увеличивается. Какие-то из них строятся за счет государства, какие-то на деньги частных компаний. В старших школах изучаются новые и старые языки, история, науки, сочинительство, этика [Ibid.]. Другими словами, Фукудзава представляет США как страну с высоким уровнем образования, который будет лишь повышаться.

О важности образования Фукудзава пишет еще в предисловии к первому тому «Описания стран мира», настойчиво проводя мысль, что образование – ключ к тому, чтобы стать полезным своей стране. Так как это сочинение было в первую очередь обращено к детям и женщинам, то его можно считать посланием подрастающему поколению, на чьи плечи впоследствии ляжет создание нового общества. Фукудзава также подчеркивает важность подготовки преподавателей – ведь именно они будут формировать будущую интеллектуальную элиту страны. И примечательно, что в данном случае в пример он приводит не Голландию, главного проводника западных знаний в Японию в эпоху Токугава, а именно США [Fukuzawa 1869, p. 2].

США прервали японскую политику самоизоляции, длившуюся более двухсот лет, коммодор Пэрри навсегда вошел в историю как человек, открывший Японию Западу. Можно предположить, что, в сравнении с другими странами, к Америке японцы относились с особенно пристальным вниманием и заинтересованностью, а позднее – уважением и почтением (а возможно, даже и страхом): как

к сильному сопернику, и более того – как к победителю, которому они вынуждены покориться. Подобное случилось в Японии дважды: с открытием страны коммодором Перри в середине XIX в. и спустя чуть меньше ста лет, по окончании Второй мировой войны. Можно сказать, что Фукудзава тонко прочувствовал веяния международной политики и даже удивительным образом словно предугадал дальнейшее тесное взаимодействие Японии и США.

За свою жизнь Фукудзава Юкити побывал в США дважды. Он очень благосклонно относился к этой стране, считал ее высокоразвитой, передовой – и в научно-техническом плане, и в общественно-политическом, и в образовательном. Наравне с некоторыми державами Европы США представлялись ему страной, на которую Японии во многих аспектах стоило бы равняться.

Библиографический список

Мещеряков А. Н. (2014). Автобиография Фукудзава Юкити как репутационный ресурс. *Отечественные записки*. № 1. <https://strana-oz.ru/2014/1/avtobiografiya-yukiti-fukudzavy-kak-reputacionnyy-resurs>

Мещеряков А. Н. (2006). *Император Мэйдзи и его Япония*. Москва: Наталис.

References

Baibikov, E. (2020). Recycled Images: 21st Century Edition of Fukuzawa Yukichi's Geography Textbook. *The Asia Pacific Journal*, 18 (20), 5, 1–15.

Fabricand-Person, N. (2011). Images of American Racial Stereotypes in Nineteenth-Century Japan. In *East-West Interchanges in American Art: A Long and Tumultuous Relationship* (pp. 80–94). Washington: Smithsonian Institution Scholarly Press.

Fukuzawa, Yukichi. (1866). *Seiyō Jijyō* [The State of Affairs in the West]. Vol. 2. Tokyo: Shōkodō. (In Japanese).

Fukuzawa, Yukichi. (1869). *Sekai kuni zukushi* [All the Countries of the World, for Children Written in Verse], Vol. 1. Tokyo: Keio gijuku jōhan. (In Japanese).

Fukuzawa Yukichi. (1869). *Sekai kuni zukushi* [All the Countries of the World, for Children Written in Verse], Vol. 4. Tokyo: Keio gijuku jōhan. (In Japanese).

Fukuzawa, Yukichi. (1934). *The Autobiography of Fukuzawa Yukichi*. Trans. by Eiichi Kiyooka. With the Introduction by Shinzo Koizumi, President of Keio University. Tokyo: The Hokuseido Press.

Masuno, K. (2006). *Mieru minzoku, mienai minzoku. "Yochi Shiryaku" no sekaikan* [Visible Nations, Invisible Nations. Outlook on the World According to "Yochi Shiryaku"]. Kanagawa daigaku nijyūisseiki CEO puroguramu [Program CEO of the Twenty First Century of the Kanagawa University]. (In Japanese).

Meshcheryakov, A. N. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Emperor Meiji and His Japan]. Moscow: Natalis. (In Russian).

Meshcheryakov, A. N. (2014). Avtobiografiya Fukuzawa Yukichi kak reputatsionnyi resurs [Autobiography of Fukuzawa Yukichi as a reputation resource]. *Otechestvennye zapiski*, 1. Retrieved from <https://strana-oz.ru/2014/1/avtobiografiya-yukiti-fukudzavy-kak-reputacionnyy-resurs> (In Russian).

Sun Jiang. (2012). Blumenbach in East Asia: The Dissemination of the "Five-Race Theory" In East Asia and a Textual Comparison. *Oriens Extremus*, 51, 107–153.

Uchiyama, A. (2009). *Translation as Representation: Fukuzawa Yukichi's Representation of the "Others"*. Ed. by Milton, J. and Bandia, P. Amsterdam: John Benjamins Publishing.